

16+

Нина Дианина

Возвращение в неизвестное

Книга 3. Заключительная

Нина Дианина
Возвращение в неизвестное.
Книга 3. Заключительная

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56997796
SelfPub; 2021*

Аннотация

Третья заключительная книга из цикла "Возвращение в неизвестное". Путешествие в будущее продолжается. Однако, чтобы сделать последний переход, нужно разобраться в странных событиях, которые происходят в Магической академии в Сургуре, столице королевства Элтия.

Нина Дианина

Возвращение в неизвестное. Книга

3. Заключительная

Все единицы измерения для удобства читателя переведены в СИ.

Глава 1

До столицы оставался всего один день пути. Обоз как всегда остановился в одном из постоянных дворов при тракте, и теперь друзья сидели в полутёмном трактире разомлевшие после сытного ужина.

Коршень устроился недалеко от очага и задумчиво глядел на огонь. Тени причудливо ложились на его лицо, делая его нос с горбинкой похожим на клюв хищной птицы. Тысячи раз за свою жизнь мужчина точно так же смотрел на эти пляшущие по поленьям оранжевые язычки пламени, и его тёмно-карие глаза мерцали, отражая всполохи. Огонь за эти годы совсем не изменился, не то, что он сам, успевший и постареть, и даже обратно помолодеть.

Когда-то он был главой каравана. Сейчас казалось, что это было в очень далёкие времена, где-то в другой жизни. На самом деле прошло всего лишь несколько месяцев с тех пор,

когда он согласился вести семь повозок из маленького прибрежного городка до Коксы. Тогда судьба привела в его караван очень странных и интересных людей и дала ему шанс вырваться из привычной колеи, из сложившегося за долгие годы круга людей и обязанностей.

И он этот шанс не упустил.

Коршень улыбнулся и оглянулся на друзей. Ему было около сорока пяти лет, когда увидел эту троицу в первый раз. Он, одинокий стареющий наёмник, уже немного согнувшийся и расплывшийся от возраста, тогда намеревался присмотреть себе домик в Коксе, чтобы там скоротать свои последние годы. Однако эти два старика и старушка оказались настолько необычными и интересными, что Коршень, тогда ещё глава каравана, бросил всё, увязался за ними и сейчас ничуть об этом не жалеет.

С тех пор его жизнь приобрела совсем другой смысл. Неожиданно выяснилось, что эта троица – путешественники во времени, и у них есть благородная цель – привезти в будущее книги развитой цивилизации прошлого. Другими словами, переправить в будущее знания прошлого. Это была та самая высокая идея, которой ему не хватало всю его жизнь: сделать что-то важное для всех людей, а не просто зарабатывать деньги на пропитание. Он присоединился к этой троице и теперь их четверо.

С этими друзьями Коршень перешёл уже два временных портала, каждый из которых перенёс их на тысячу лет впе-

рёд в будущее. У этих проходов сквозь тысячелетия были удивительные свойства: они делали проходящих через них людей моложе, если путешественники по эпохам направлялись в будущее и старили, если путешественники уходили в прошлое.

После первого портала, который они перешли несколько месяцев назад, наёмник сбросил десяток лет и из пожилого превратился в молодого тридцатипятилетнего мужчину.

Пять дней назад уже второй временной портал перенёс их ещё на тысячу лет вперёд и забрал у них ещё десять лет жизни. Теперь их тела будут постепенно входить в новое более молодое состояние. Примерно через месяц он начнёт себя чувствовать и, соответственно, выглядеть примерно двадцатипятилетним.

Перестройка происходила сразу после перехода через портал.

Коршень с содроганием вспомнил, как крутило и выворачивало его пять дней назад на холодных камнях башни в первые часы после перехода через портал.

Болело всё. Выкручивало суставы, не хватало дыхания, и сердце билось как сумасшедшее. Целую вечность он проваливался в вязкое болото тошноты и слабости, мысли путались. Казалось, этому не будет конца, однако вечность отступила, и в какой-то момент он почувствовал, как постепенно стихают эти волны боли и тошноты. У него хватило сил открыть глаза и повернуть голову.

Эля, сжав зубы, стонала рядом, и он ничем не мог ей помочь. Чуть поодаль мучились Павел и Глен. Эти первые бесконечные часы перенастройки тела после перехода нужно было просто пережить.

Их страдания закончились только к рассвету. Коршень запомнил только, что успел подтянуть к себе под бок Элю, чтобы не замёрзла на этих холодных камнях, а потом провалился в блаженную темноту без боли. Следующие несколько часов их маленькая команда просто спала, во сне приходя в себя.

Да, мучительные часы перестройки организма были тяжелыми. И, если в сторону будущего, вернувшаяся молодость делала эту плату за путешествия по тысячелетиям справедливой, то путешествие в сторону прошлого делало путешественника старше и жестокие мучения по перестройке организма в сторону старости делали эту плату просто невыносимой. В прошлое путешествовали только самые увлечённые исследованиями маги-странники. Только они обладали особым зрением и видели эти временные порталы. Остальные могли всего лишь следовать за ними.

В их маленькой команде из четырёх человек Глен был таким магом-странником. Именно он вёл их в будущее, а они шли за ним. Без Глена они не смогли бы увидеть этот открывающийся на очень короткое время проход, ведущий из одной эпохи в другую. Только ночью и в разное время, всего лишь около двадцати ударов сердца длилась эта возмож-

ность перейти, а потом портал схлопывался до следующей ночи.

Коршень вспомнил, что солнце было уже высоко, когда ещё слабые, но счастливые от того, что их мучения закончились, они выглянули из проёмов полуразрушенной башни.

Перед ними лежала долина, почти такая же, как и была тысячу лет назад, весенняя, зеленеющая, с прозрачным синим небом с кольцом скал на горизонте. Однако всё же другая, изменившаяся.

Разрослись и увеличились в числе деревни, а на том месте, где был пространственный переход на юг, где их тогда встретил хозяин долины, стояла высокая крепостная стена с массивными коваными воротами.

– Ой, смотрите, дорога через портал на юг перекрыта. Почему, Глен? – Эля махнула рукой в ту сторону.

– Потому что это не временной, а пространственный портал на юг, просто как постоянно действующий туннель, который видят все маги, а не только маги-странники. Это тебе не переход в двадцать ударов сердца, а если ты не успел пройти, сам виноват. Этот портал как ворота, которые всегда открыты. Каждый маг может привести с собой кого угодно и в любых количествах. Когда мы через него шли, магов было мало и про него знали только единицы. А потом тайна его существования и нахождения просочилась, и его стали всё чаще и чаще использовать. Уж больно портал хорош – сразу отправляет на пару тысяч километров с юга на север и

обратно. А магов сейчас намного больше, чем было во времена, когда мы через него шли и Дэйлин был хозяином долины. Вот его потомкам после внезапного нашествия южан пришлось принимать меры и защищать долину от возможного нападения.

Теперь там на воротах постоянно дежурит стража, и, кстати, не всех пускает. От этой порталной стены основной тракт теперь идёт не в долину, а вне её, туда, за эту гряду через специально пробитый в ущелье перевал. Мы как раз туда и пойдём. В Сургур, столицу королевства Элтия. Магическая академия, куда ты, Эля, так стремишься, находится там, в Сургуре.

Потом они спускались по ступеням полуразрушенной башни. Камешки сыпались из-под ног, обвалились перила, но пролёты лестницы были в порядке. Павел ещё удивился, что и башня, и ступени в достаточно хорошем состоянии. Оказалось, что Дэйлин, посетивший эту эпоху восемь лет назад, и, ужаснувшись полной разрухе, смог немного почистить башню и поправить обвалившуюся лестницу. Мало того, он договорился, чтобы в башню раз в год приносили одну связку дров. Что порадовало, нанятые им люди честно выполняли наказ, и именно эти поленья согрели их маленькую команду в первые часы после пробуждения.

На местные деньги, которыми снабдил их Дэйлин, они наняли повозку и присоединились к небольшому торговому обозу, который следовал из долины в столицу.

Умение Глена убеждать, подкреплённое некоторым магическим, с элементами подчинения, вмешательством в голову главного в обозе, сыграло свою решающую роль. Защита от магии подчинения в эту эпоху уже была, да только слабые амулеты мелких провинциальных торговцев от сильного мага, каким был Глен, защитить их не могли.

Да, Глен был магом. Пусть он не мог кидаться сгустками огня или ледяными стрелами, зато видел тонкие слои, которыми был окутан каждый человек и был способен на них воздействовать.

Этот бутон из слоёв в этом мире назывался кокон. Влияя на кокон, маги могли лечить или калечить, могли возбуждать или успокаивать, подчинять или заставить забыть. То есть обладали реальной силой, которая заставляла простое население их опасаться.

Сам Коршень не обладал магическими способностями как Эля, однако знал, что она называла этот кокон иначе – аурой, а слои полями. Но, как она говорила, сути это не меняет.

Она тоже могла видеть слои особым магическим зрением. Глен говорил, что у неё большой потенциал, и ей нужно обязательно учиться, а пока она «плохо структурирована». Собственно, оставить Элю учиться в Магической академии и была одна из целей, для чего они ехали в столицу королевства.

Коршень краем глаза посмотрел на сидящую с ним рядом

за столом невысокую миловидную женщину в простом платье.

Несколько месяцев назад, когда он увидел друзей в первый раз, они не блистали красотой и молодостью. Его Эля, тогда ещё матушка Элина, удивительная старушка, которая ещё тогда привлекла его внимание, после перехода портала в Науле сбросила десять лет и превратилась в тридцатилетнюю красивую женщину. После этого перехода она станет совсем юной.

Мужчина усмехнулся, вспомнив, как сначала настаивал, что её надо оставить дома в Коксе, потому что от старости она может не доехать до Алатая. А Эля ведь тогда просто восстанавливалась после их с Гленом предыдущего временного перехода, который вытер из её возраста целых двадцать лет!

Женщина посмотрела на него и улыбнулась, словно почувствовала, о чём он думает.

Коршень улыбнулся в ответ.

Какая удача, что он всё-таки решился объясниться с ней и, о чудо! – она согласилась быть его женой. И даже была свадьба по всем правилам! Правда, это было тысячу лет назад и по правилам прошлого тысячелетия.

– Я женат уже тысячу лет, – ему стало смешно.

Наверное, истлела даже храмовая книга, где были записаны их имена. Бумаг, чтобы подтверждать права мужа, если таковые понадобятся, у него нет.

Друзья звали его Коршень, но это было только прозвище, данное ему когда-то наёмниками из-за его сходством с хищной птицей, за крючковатый нос и неподвижный взгляд чуть выпуклых карих глаз. Эля сказала, что на её родном языке это прозвище звучало бы «Коршун».

Однако его настоящее имя было Санд, а теперь будет и фамилия – Инсет.

– Санд Инсет, – произнёс про себя мужчина, покатав своё новое имя на языке. – Надо потихоньку привыкать. Тем более друзья всё чаще и чаще меня зовут Сандом. Имя, данное мне родителями, которое я и сам почти совсем забыл.

Грубая одежда и обувь прошлого тысячелетия ввели в заблуждение не только торговцев из обоза, но и хозяина трактира. Их принимали как простых селян, согласно легенде, едущих в столицу к родственникам, и почти не обращали на них внимания.

Коршения очень напрягало, что у окружающих были кинжалы из металла лучшего качества, чем у него. Бывший наёмник чувствовал себя безоружным, несмотря на то, что прекрасно знал какой убойной силы оружие лежит в глубине их повозки. Пара пистолетов, складная снайперская винтовка и автомат, которые нёс Павел из своего времени, давали им преимущество перед любым кинжалом.

Знать-то он это знал, но ничего с собой поделывать не мог. Хороший кинжал на поясе его успокоил бы куда сильнее, чем пистолеты, спрятанные в рюкзаке.

– Слушай, Глен, – тихо проговорил Коршень, наклонившись к другу, сидящему рядом с ним у очага, – мы столько осторожничали последнее время, пытаюсь спрятать от чужих глаз твой ценный груз, а в этот раз ты хочешь заявиться к своему другу открыто. Ты так уверен, что нет никакой опасности? Думаешь, никто не знает, куда и зачем ты пропал на годы? Ты вообще в своём друге уверен?

– В Нирусе я уверен, – сразу ответил Глен. А потом помолчал, размышляя, и ответил. – Однако ты прав, опасность никуда не делась. Книги и оружие как были опасным грузом, который, без сомнения, многие хотели бы заполучить и протянуть к нему свои загребущие руки, так и остались. Несколько книг я и так хотел здесь оставить. Но не все! И не кому попало! Опять же, как бы эти заинтересованные в нашем грузе люди и нас самих тут навсегда не оставили.

– Я тоже хотел это обсудить, – тихо пробасил Павел. – Не нравится мне это, объявлять о своём прибытии всех и каждого.

– Что-то я действительно расслабился. Вы правы. Открыто появляться в столице нельзя. Но, слава Богу, Сургур я знаю хорошо, где поселиться на первое время так, чтобы нас не заметили, придумаю. Потом и с Нирусом встречусь. А уж после все вместе будем решать, что делать.

Больше они на эту тему не разговаривали. Всё было решено.

Сургур, столица королевства, раскинувшаяся в устье реки Сурги на нескольких холмах, после деревень и провинциальных посёлков, гордо именовавших себя городами, впечатлял своими размерами.

Климат столицы был теплее, чем в долине, поэтому здесь уже давно царила весна. Дороги уже высохли после весенней распутицы, всё цвело и зеленело.

Фактически, город делился на три главные зоны, расходящиеся кольцами от королевского дворца.

В центральном кольце, самом чистом и благоустроенном, находился королевский дворец, там жили высокородные и богатые.

Во втором кольце обосновались мастеровые и ремесленники. Здесь находились мастерские, лавки, торговые ряды. Здесь же жили и сами торговцы, работники и хозяева.

В третий круг входили окружающий город холмы, и там селилась беднота. Каждый холм жил по своим правилам и законам, но все они, хоть и нехотя, подчинялись королевской власти.

Кроме того, ближе к побережью, находился большой чистый и богатый квартал, где жили маги, а недалеко от него на самом высоком холме располагалась территория Магической академии, обнесённая высокими каменными стенами. Казалось, словно на вершину холма водружена большая тём-

ная шапка, из-за которой выглядывают кончики острых ба-шен.

Дорога, к королевскому дворцу пересекала все кольца насквозь. Дома, лавки и постоянные дворы вдоль этой дороги были чище и ухоженнее остальных.

Вот в одном таком пансионе, находящемся далеко от центра, но недалеко от дороги, и поселились друзья.

Глен был лично знаком с хозяйкой этого уютного двухэтажного домика по прежнему посещению Сургура. Он знал, что женщина любит чистоту, хорошо готовит и, что важно, не знает, что Глен маг, поэтому даже не подозревает, что и откуда он может везти. Для неё он был торговцем украшениями, который время от времени появляется в столице, чтобы разузнать все новости, прикупить новую партию товара и развлечься.

Дополнительным плюсом к выбору именно этого места шло, что пансион был небольшим, постояльцев там было наперечёт, жили они подолгу и им было запрещено приводить гостей, так что посторонние там не появлялись.

Сначала планировалось, что с запиской от Глена пойдут только Коршень и Павел. Однако быстро выяснилось, что даже несмотря на подробные объяснения, они легко могут запутаться в хитросплетениях улиц, да и, толком не зная местных правил, случайно попасть в сложное положение. Поэтому они пошли втроём.

Эля осталась в пансионе вместе с книгами, выпросив у

Глена разрешение полистать медицинский справочник.

Дом Нируса Инсета находился на краю магического квартала рядом с кольцом ремесленников. Само двухэтажное светлое здание стояло в глубине сада, обнесённого высоким каменным забором. Глен знал, что кроме двух этажей наверху в этом доме есть и два этажа ниже фундамента, где находится лаборатория, библиотека и ещё несколько тайных помещений, о которых никто из посторонних не знал.

Всё прошло по плану. Вышедший на стук охранник сказал, что хозяин дома. Павел, надвинув капюшон плаща на глаза, отдал записку и сразу ушёл. Сделав круг, он вернулся к друзьям, и они вместе стали наблюдать за домом.

Итак, что будет делать Нирус, получив эту короткую записку, в которой было только несколько слов «Я вернулся. ГГ. Полуденный колокол на нашем месте». Пошлёт куда-то посыльного? Сам куда-то поедет? Ничего не будет делать?

Нирус оправдал надежды. Никого никуда он не послал, а сам вышел из дома и прогулочным шагом направился в сторону центра.

– Всё правильно, – улыбнулся Глен, – он идёт в направлении пекарни, она тут недалеко. Там внутри есть несколько лавок и кроме булок продают прекрасный медовый напиток. Также там есть второй вход, о котором мало кто знает, и замечательный угол справа у окна, мы с ним любили там сидеть. Оттуда видишь всех входящих, а тебя почти никто. Вот там и посидим-поговорим.

Несмотря на ваши подозрения, я ему верю. Вот, например, как ты, Павел, веришь Коршеню или Эле. Нас с Нирусом связывает очень многое, мы не раз проверили друг друга в непростых ситуациях, так что не зря я его записал в друзья.

Они вслед за Нирусом спокойно дошли до пекарни, однако слежки за ним не заметили, а потом остановились неподалёку и обговорили условные сигналы.

– Я зайду через второй вход, и мы поговорим. Коршень, ты зайди через четверть часа. Если махну, подойдёшь. Если нет, то хоть булочек сладких Эле купишь, здесь они очень вкусные.

Павел ухмыльнулся.

– Да, Эля любит булочки.

– Ты тоже, Павел, будь недалеко. Если всё тихо и спокойно, позовём на совет и тебя.

Глен сделал несколько шагов и исчез за углом пекарни.

Нирус сидел на том самом месте у окна. Моложавый подтянутый мужчина с чуть рыжеватыми волосами, заплетёнными в короткую косу и короткой аккуратной бородкой. Тёмно-фиолетовая мантия и напряжённое выражение лица придавали ему строгий вид.

Глен знал, что отблеск эмоций такого сильного мага как Нирус, он может считать только в первое мгновение, а потом друг закроется, однако по этому первому отблеску можно будет судить, кто перед ним сидит: друг или враг. Поэтому первый взгляд на кокон Нируса Глен сделал магическим

зрением и с полной концентрацией.

И только после этого расслабился, потому что базовая эмоция друга была чистая радость. Глен увидел, как она волной прокатилась в коконе Нируса. Друг был просто рад его видеть и не мог этого скрыть. Сверху наложились оттенки облегчения, настороженности, тревоги, усталости и ещё каких-то чувств.

Безусловно, Глен вряд ли смог бы словами объяснить, что именно он увидел на коконе. Перевести магическую картину, которая ему открылась при взгляде на Нируса, эти вихри и всплески, что он увидел в слоях, выразить словами было весьма затруднительно. Но Глен ясно увидел, что друг остался другом.

Нирус почти сразу закрылся. Среди магов это было обычным делом даже среди друзей. Светить своими эмоциями было не принято. Да и друг закрылся просто по привычке, а не поспешно, будто скрывая что-то.

Глен уселся рядом на лавку и хлопнул его по плечу.

– Нирус, друг, я рад тебя видеть!

– Глен, я тоже. Ты не представляешь как я рад, что ты вернулся! – и с сияющими глазами хлопнул по плечу его в ответ.

Они не виделись почти три года. У обоих многое изменилось за это время, но главное осталось неизменным: они остались друзьями и могли доверять друг другу.

– Не отвечай, если не хочешь, но похоже, что ты проник в

глубину веков как собирался, – Нирус, улыбаясь, разглядывал сидящего рядом друга.

– И ещё я страшно рад, что ты догадался вытащить меня из дома запиской и не показался открыто. Вполне может оказаться, что за моим домом следят. То, что сейчас происходит у нас Совете магов мне не нравится. Архимаги перессорились, и каждый тянет одеяло в свою сторону. Если удалось то, зачем ты уходил в прошлое, то за тобой начнётся охота, и для тебя она может закончиться очень печально.

– А многие знали?

– Как выяснилось, не я один. Хотя, могу поклясться, держал рот на замке. Откуда-то просочилось.

– Интересно откуда, – задумчиво протянул Глен в пространство, а потом посмотрел на друга. – Раз меня ждут, тогда нужно просто не высовываться. Восстановлюсь, не выходя из тени, а потом тайно уйду порталом в своё время через месяц – другой.

– Уже не получится, – вздохнул Нирус. – Временной портал, тот самый, которым ты ходил, теперь обнесён стеной и строго охраняется магами. Вот из этого я сделал вывод, что кто-то прониухал про вас, магов-странников, да и тогда вполне может знать про твою миссию.

Причем стена появилась совсем недавно. Видеть сам портал наши маги не могут, но место откуда-то знают. Всё теперь под строгим контролем. Как только ты там появишься, то прямиком отправишься к Верховному магу, даже если от-

кажешься от приглашения.

Есть ещё один портал, в другом месте?

Нирус вопросительно посмотрел на друга.

– Нет здесь рядом другого портала, не нужен был. Этот очень удобный, им пользовались. Есть один, о котором я только слышал, однако ни разу не пользовался, в двух неделях пути отсюда. Остальные в других королевствах и тоже непонятно где, искать нужно по записям.

Глен помолчал, размышляя.

– Нирус, ты понимаешь, что это значит? Это означает, что пока меня не было, судя по времени постройки стены, за эти последние несколько месяцев, ваш Верховный Архимаг получил себе в союзники мага-странника из нашего времени. Своих-то у вас здесь пока нет. А в правилах, которые с самого начала нам в академии вбивают в голову, чётко говорится: хочешь избежать неприятностей – не связывайся с властью предержащими и молчи кто ты.

Вот и ещё одна загадка добавилась. Кто именно этот маг-странник и когда пришёл? Мы можем быть знакомы. Да, может, он добровольно сотрудничает с вашим Верховным, а может и в ловушку попал. После портала-то маги-странники в первые часы совсем беспомощны.

Он вздохнул.

– Да уж. Как разительно у вас тут всё изменилось. Какие-то стены, запреты...

– Да уже и в момент твоего отъезда были склоки, но, ви-

димом, кому-то пришла в голову мысль, что ты со своими знаниями из прошлого можешь оказаться весомым аргументом в подковёрной борьбе. Последний год и в Магической академии происходит что-то странное. Мне тебе многое нужно рассказать!

– Мне тебе тоже. Но, – Глен огляделся, – здесь не самое удобное место, а где поговорить без опаски, я не знаю.

– Так у меня же целый дом. Достаточно хорошо охраняемый, между прочим.

– Но ты же сам сказал, что к тебе нельзя.

– Я сказал, открыто нельзя! А скрытно можно, дома надёжно. Ты же знаешь тайную калитку в дальней стене сада, и где находится флигель для гостей? Приходи сегодня с вечерним колоколом, постучишь нашим условным стуком, сам тебя буду ждать, открою. Перед работниками, если вдруг пересечёшься, накинешь иллюзию. Не разучился ещё иллюзии у людей создавать?

– Не разучился. Только я не один в этот раз. Со мной ещё двое мужчин и женщина. Мои друзья, которым я полностью доверяю.

– Приглашения этот факт не отменяет. Приглашаю всех четверых. Интересно будет познакомиться!

– Тогда жди нас вечером после заката. Поэтому не прощаюсь, – сказал, поднимаясь с лавки Глен.

Он купил сладких булочек для Эли и вышел.

Глава 2

На встречу Глен пошёл только с Коршенем.

— До утра опять не спать, подпрыгивать от каждого шороха,— грустно подумала Эля, когда дверь за ними закрылась. — Вечером они вряд ли придут, если встреча затянется. А она затянется. Значит, появятся только завтра. Я с ума от волнения успею сойти, пока они вернутся. Если вообще вернутся.

Павел подмигнул в ответ на её унылый взгляд:

— Не волнуйся, Элька, вернутся они завтра сытые и довольные, — сказал он, будто подслушав её мысли. — Видел я этого Нируса, хороший мужик.

— Он-то, может, и хороший, да вокруг него может оказаться полно нехороших мужиков, — буркнула Эля в ответ.

У тайной калитки Глена встретил хозяин. Всё было спокойно. Мужчины без помех прошли в гостевой флигель и, после приветствий и взаимных представлений, устроились за круглым столом в уютной гостиной с плотно занавешенными окнами. Неярко горели криповые светильники, освещая добротную мебель, а на столе уже стояли бокалы, бутылка вина и тарелка с копчёным мясом. Гостеприимный хозяин подготовился к длительной беседе.

Коршень внимательно рассматривал сидящего перед ним человека. Крепкий мускулистый мужчина с волнистой, схваченной в хвост рыжеватой шевелюрой, на вид сорока-сорока пяти лет, тоже рассматривал его внимательным взглядом карих глаз. В чём-то они были даже похожи. У хозяина был такой же тонкий с горбинкой нос, правда, немного помень-

ше и поровнее.

– Ну, Нирус, рассказывай, что тут у вас произошло, пока меня не было, – сказал Глен, расслабленно откинувшись в кресле с бокалом в руке. В этой гостиной за годы его отсутствия ничего не изменилось. Он чувствовал себя здесь привычно, будто и не исчезал на три года.

– О, друг мой, произошло многое, но не всё можно выразить в словах. Многое остаётся на уровне чувств и интуиции.

Если в общих словах, то что-то странное происходит в Магической академии. Ты знаешь, что меня назначили ректором за два года до твоего последнего появления. То есть, приблизительно пять лет назад.

– Ого, – подумал Коршень, – какие у нас знакомства! Элю можно уже считать поступившей.

– Первые годы было всё спокойно. Не без происков и склок преподавателей, конечно. Но их можно было рассматривать как лёгкую зыбь на спокойном озере. А вот год назад начались какие-то волны.

– Что именно?

– Да что-то непонятное. У меня в прошлом году весной один за другим заболели два студента чем-то лекарствами неопределяемым и сошёл с ума один из хороших преподавателей. На этом череда непонятных заболеваний закончилась. И вот буквально вчера мне доложили, что ещё один студент заболел той неизвестной болезнью.

Нирус тяжело вздохнул.

– Вдобавок, я почему-то попал в тайную немилость королю. А он один из главных попечителей Академии.

Нет, явно, конечно, он своё недовольство мной не выражает. Но я его немилость чувствую и не понимаю, что случилось, кто именно под меня копает и что надул в уши королю. На месте ректора многие хотят видеть своего ставленника. Откуда ждать удара?

Нирус удрученно покачал головой.

– Я связываю это с тем, что пару лет назад король попытался магов немного подвинуть и навязать им создание специального свода правил для магов.

Глен пожал плечами:

– Так он и раньше пытался немного ограничить этот магический беспредел.

– Да. Создать свод магических правил. Тем более, Глен, ты сам принёс ваш магический свод в нашу эпоху, а я его упростил для нашего, как ты говоришь «дикого магического периода». Осталось дело за малым – заставить магов согласиться хотя бы с основными его положениями и, что важно, самим его придерживаться и контролировать друг друга. Вот на этом пункте мы пока и застряли. На словах все согласны, что должны быть магическая этика, правила, прописывающие запреты, права и обязанности, а вот по факту никто ни придерживаться правил, ни заниматься этим не хочет.

– Ну раз у нас в будущем такой свод существует и прекрасно работает, то когда-то маги договорятся.

– Когда-то да, даже точный год есть в ваших исторических хрониках. Правда, ты говорил, что в разных хрониках он разный. Причём разница существенная, в десятки лет. Но согласись, что принятый свод правил – это уже результат длительных предварительных препирательств и последующих взаимных договорённостей между королями и магами. Этот год ещё далеко, но начинать с чего-то нужно! И, мне кажется, король решил, что на словах я с ним согласен, а фактически на другой стороне баррикад и ставлю ему палки в колёса.

– А ты не ставишь?

Нирус укоризненно посмотрел на друга.

– Нет, конечно. Ты же знаешь мои убеждения. Мы должны служить на благо королевства, а не на собственный кошелёк и ради денег совершать подлость. Поэтому и должны существовать запреты на некоторые магические действия. Например, на привороты, – он возмущённо фыркнул.

Глен повернулся к Коршеню:

– У Нируса особые счёты с приворотной магией. Он от неё однажды очень пострадал. Мы как раз тогда познакомились, и я его вытаскивал из наведённых страданий. От женитьбы на одной меркантильной особе, между прочим, спас и от её корыстной семейки. А ведь обложили его тогда знатно!

Хозяин дома покраснел.

– Это лишние подробности для молодого человека. Хотя, признаюсь, мне до сих пор стыдно вспоминать это глупейшее состояние заикливости на объекте любви. Наведённое

безумие!

– Хорошо, Нирус, я проникся твоими проблемами и с удовольствием тебе помог бы, но не понимаю как. Ты знаешь, я только что вернулся из прошлого. Подробностей тебе сейчас сообщать не буду. Вот когда вернусь домой, отвезу, что добыл, да отчитаюсь тому, кто меня послал, вот тогда вернусь и за бутылочкой этого прекрасного напитка – Глен махнул бокалом, сверкнувшим жёлтым солнечным отсветом, – я тебе всё и поведаю с красочными описаниями. А пока мои рассказы могут тебе навредить.

Сейчас у меня основная цель добраться до моего времени. А ты говоришь, что известный мне весьма удобный портал перекрыт по указанию вашего Верховного Архимага.

– Эх, Глен, я сегодня после нашей встречи уже всё обдумал и точно знаю, какая именно помощь не помешала бы. Мне просто не хватает надёжных людей в академии, которым я мог бы доверять полностью. Тогда у меня было бы больше достоверной информации и возможности разобраться в происходящем. А сейчас я стал в каждом подозревать врага, даже в студентах.

Глен переглянулся с Коршенем. Они оба чуть заметно кивнули друг другу. Видимо, одна и та же мысль одновременно пришла им в голову.

– Тогда тебе должно понравиться моё предложение. Я бы даже сказал, всё складывается так, что это решит много проблем для всех нас.

– Какое? Что ты придумал?

– Я вас ещё раз познакомлю, на этот раз поподробнее, – Глен махнул рукой в сторону Коршеня. – Это Санд. Надёжный человек, на которого ты сможешь опереться целиком и полностью. Пусть тебя не вводит в заблуждение его юный вид. На самом деле это умудрённый жизненным опытом человек. Вы ровесники. Я хотел тебя попросить, чтобы ты дал ему свою фамилию и признал его своим дальним родственником, у которого пропали все документы в результате ограбления. На твоё наследство он претендовать не будет.

Семьи у тебя нет, детей нет, так что молодой дальний родственник придётся ко двору.

Нирус посмотрел на молодого мужчину в простой тёмной одежде, сидящего перед ним с непроницаемым выражением лица. Парень ему откровенно нравился. Весь разговор он, молчал, однако у него был цепкий внимательный взгляд опытного бойца. А уж если сам Глен за него ручается, то лучшего помощника и не придумаешь.

– А ведь точно! Идеальный помощник! Санд Инсет, – Нирус покатал имя на языке, как бы пробуя на вкус, и потом уверенно произнёс. – Санд Инсет – мой двоюродный племянник и секретарь! Про семейство и место откуда он родом, я ему сам потом расскажу в деталях.

– Ты его сразу в секретари берёшь? Он же не знает тут у вас ничего и даже читать ещё по-вашему толком не умеет.

– Ничего! На должности моего секретаря каждые три ме-

сяца кто-то появляется, а потом сбегает. Потом появляется кто-то новый, который опять ничего не знает, – отмахнулся друг. – Буквы и написание ты ему напрямую в голову вложишь, как язык вложил. Будет первое время ходить за мной по академии, знакомиться, слушать, смотреть, помогать, а по вечерам навык чтения и письма нарабатывать. Быстро втянется. А его промахи можно будет объяснить провинциальностью.

Есть, правда, ещё пара вакансий для преподавателей, но там именно маг нужен, да к тому же сильный, чтобы этих шалопаев студентов в руках держать. Взять я его преподавателем просто не могу. А секретарь, да ещё и мой племянник из далёкой провинции – просто идеально! – всплеснул руками Нирус. – Жить будет здесь в доме, да и на территории академии у меня есть несколько комнат для проживания. Глен, ты гений! Я с ним хоть обсуждать происходящее вокруг меня без опаски смогу. А он со своим свежим взглядом что-то заметит, чего я своим замыленным взглядом заметить не в состоянии.

– Ну это ещё не всё. Есть ещё одно хорошее предложение, – задумчиво улыбнулся друг. – А точнее, уже пара предложений.

Он помолчал, что-то обдумывая, а потом продолжил:

– Кроме Санда в моей команде есть ещё одна юная девушка Эля. Элеонора. У неё хорошие магические способности. Я с ней немного позанимался, но потенциал у неё большой и

для его раскрытия необходимо полноценное обучение. Хотелось бы, чтобы ты взял её к себе студенткой. Тогда ты получишь ещё одного надёжного человека уже среди студентов.

– На какой факультет ты её хочешь определить?

– На лечебный.

– Жаль. Сам-то я артефактор. Мог бы записать её в любимые перспективные ученицы и иметь повод встречаться с ней чаще.

– Ну, впереди у вас долгие годы возможного плодотворного сотрудничества. Сам понимаешь, уйти со мной в будущее ни Санд, ни Эля из-за слишком юного возраста уже не могут. Им нужно как следует обосноваться здесь. Тебе же нужны надёжные люди? Вот, выращивай.

Нирус как-то насмешливо покосился на парня.

– Да, – улыбнулся Глен, – ты правильно заметил всполох на коконе у Санда из-за твоего «встречаться с ней чаще» и угадал причину. Они с Элей пара.

– Хм... – сразу озадачился Нирус. – Как же тогда быть? Она ведь будет постоянно жить в студенческом корпусе рядом с другой студенткой. И, между прочим, на первом курсе до определения индивидуального направления студента жениться и выходить замуж запрещено! А на втором курсе нежелательно.

– Ну так мы никому и не скажем. Тем более уже весна, а до конца первого курса осталось всего несколько месяцев.

Фактически – да, Санд Эле муж. У них была настоящая

свадьба там, в прошлом времени, с записью в храмовой книге, но вряд ли это действительно здесь по местным законам. В этой эпохе об этом бракосочетании нет никаких свидетельств и свидетелей. Та старая запись наверняка сгнила вместе с книгой, а свидетели теперь все на небесах. Ну, кроме нас, конечно. Но ведь мы будем молчать, если надо? – он подмигнул Коршеню. – Да и тайно встречаться им никто не запрещает, и они наверняка найдут возможность. Вспомни молодость! А ты, понимая их положение, поспособствуешь.

– Поспособствую, конечно. Однако молчание молчанием, а вот хорошими индивидуальными амулетами вас снабдить надо. Санд сейчас со своими незакрытыми эмоциями для магов как открытая книга, в которой при желании можно прочесть любую строчку. Думаю и ваша Эля такая же. Потом научитесь закрываться.

– И даже я, не маг? – удивился Коршень.

– И даже ты. Для этого видеть кокон в магическом зрении необязательно. И когда вы мне представите для знакомства мою новую студентку?

– Да вот когда ты напишешь представление на её поступление на учёбу, проживание и полное содержание, сразу в академию её и отвезём. Вот тогда она к тебе как к ректору при зачислении и придёт. Но сам понимаешь, не раньше, – Глен посмотрел на Коршеня.

– Точно, – кивнул головой муж новоиспечённой студентки. – Нам появиться нужно по раздельности. Я приеду к вам

в дом завтра открыто, как племянник, а она сама по себе как студентка.

– Хорошо. Тогда документы буду составлять на кого? Имя какое, фамилия есть или вместо фамилии как простолюдинка из какой-то местности?

– Пиши, сирота Элеонора из Чимской долины, двадцати лет, к началу года не могла прибыть из-за..., например, запрета опекуна. Причина любая подойдёт, – усмехнулся Глен, а потом не выдержал и зевнул. – Да уж, засиделись мы тут. Спать хочется. Время за полночь.

– А где ещё одно твоё предложение? – встрепнулся Нирус. – Мне почему-то кажется, что самое интересное осталось на потом.

– Не знаю самое ли интересное, но, согласись, тебе надо обдумать эти и понять, как всё намеченное воплотить в жизнь, не привлекая лишних подозрений. Да и мне самому надо ещё поразмыслить о моём последнем предложении.

– Хорошо. Тогда до завтра. Спальни для вас тут во флигеле уже приготовлены, – хозяин поднялся с места и подошёл к двери. – Мне уже не терпится узнать, что же такое ты задумал.

* * *

После ухода Нируса они остались сидеть у стола, обдумывая всё сказанное за вечер.

– Что ты задумал, Глен? Идея пришла тебе явно во время разговора, – спросил Коршень, с интересом глядя на друга.

– Ты прав. И эта идея висит в воздухе. Ты сейчас и сам догадаешься, что я хочу Нирусу предложить. Вот подумай:

Во-первых, мне нужно как следует восстановиться, хорошо бы не менее трёх месяцев. Уж слишком часто я тело перестраиваю с этими прыжками по тысячелетиям.

Во-вторых, уйти я сейчас не могу. Единственный удобный портал перекрыт. До другого добираться пару недель, искать его, да ещё понять, куда он выходит. Не помню я, кто и когда пользовался им в последний раз. И вполне возможно, что он тоже перекрыт.

Третье, всё равно надо будет найти возможность уйти. Вместо того, чтобы с боями пробиваться в этот, уже известный Верховному Архимагу портал, можно попробовать сначала почитать редкие книги, да поискать зашифрованные записи магов-странников будущего, которые здесь уже побывали. А вдруг найдётся намёк о каком-то ранее неизвестном местным Архимагам портале в моё время? Такие книги могут обнаружиться в библиотеке Магической академии. А доступ в отдел редких книг имеют преподаватели по запросу к ректору.

В-четвёртых, Нирусу надо помочь, да и за вами хорошо бы приглядеть.

Коршень усмехнулся.

– Ясно. Ты собрался к Нирусу преподавателем. Интерес-

но, что за предмет ты собрался преподавать? Сумеешь?

– Любой предмет. Как-нибудь справлюсь. Маги моего времени посильнее нынешних. Даже я, вполне сильный маг для моего времени, однако не обладающий какими-то особыми способностями по меркам моей эпохи, и уж намного слабее наших Архимагов, но по знаниям, умениям и силе существенно превосхожу Нируса, да и их Верховного, скорее всего, тоже. За тысячу лет наши маги накопили знаний, да и научились многому. Студентам со мной точно не справиться, а коллеги подкопаться не успеют.

– Но тебя же сразу узнают!

– Кто? – насмешливо поднял брови Глен. – Студенты? Рядовые преподаватели, которые обо мне даже не слыхали?

– Король?

– Нет.

– Верховный?

– Тоже нет. Меня в лицо кроме Нируса никто не знает. Да и не должен знать. В правилах для магов-странников прописана строжайшая конспирация и уклонение от сильных мира сего, чтобы они не сделали тебя своим послушным орудием. Ведь знание основных линий будущего – эта огромная сила и соблазн для королей и королевского окружения этим воспользоваться. Убить лидера, который будет центром исторических событий, или ещё как-нибудь принципиально исказить ход истории.

Судьба, конечно, имеет свои рычаги, чтобы поправить ис-

кажения и восстановить задуманный ею ход, но попасть под колёса свернувшей не в ту сторону исторической колесницы, как-то не хочется. Меня моё родное тысячелетие и процессы, там происходящие устраивают. Так что, выходит, есть и пятая цель: нужно найти того мага-странника, который попал в руки Верховного Архимага и разобраться, добровольно он тут с ним сотрудничает или его принуждают. Я ведь просто могу знать его в лицо.

– Так он тебя тоже узнает!

– Будем делать ставку на то, что у меня вообще не слишком выдающаяся внешность. Смена цвета волос, и в дополнение усы или борода полностью спрячут меня от возможных бывших знакомых. Опять же я буду простой ничем не примечательный преподаватель. В спорных ситуациях буду иллюзии наводить, да и амулетов, искажающих кокон повешу. Поможем Нирусу, может, ситуация изменится в лучшую сторону, и я смогу спокойно уйти без этих утомительных обманных манёвров.

Коршень улыбнулся.

– Значит, перестаём мотаться по пыльным дорогам и начинаем оседлую жизнь?

– Ты сам-то как к этому относишься? – Глен внимательно посмотрел на Коршню.

Маг давно заметил, что на коконе друга есть особый сильный вихрь, перемещающийся по его эмоционалу и менталу, который одним концом связан с трансцендентными слоями

более высокого порядка. Правда, этот вихрь очень нестабилен. Непрерывно возникающие эмоциональные и ментальные волны ослабляют его силу и мешают спокойному движению.

Глен долго размышлял, чем же этот вихрь мог бы быть и пришёл к выводу, что так работает интуиция. Получается, Коршень, не будучи магом, от природы был сильным интуитом, хотя нередко его собственные мысли и эмоции и сбивают влияние этого интуитивного вихря в слоях.

– Мне кажется, мы движемся в правильном направлении, – пожал плечами друг.

– У тебя хорошая интуиция, Санд. Верь мне, это не слова, а я вижу это в магическом зрении. Не забывай это, когда обдумываешь что-то важное. Так что твои ощущения – дополнительный камешек на эту сторону весов.

Глен хлопнул рукой по подлокотнику кресла и поднялся.

– Всё, решено. Завтра буду соблазнять Нируса перспективами иметь в академии такого замечательного преподавателя как я.

Он улыбнулся и добавил:

– Интересно, какой предмет придётся вести?

Утром Глен озвучил своё последнее предложение. Нирус был в восторге.

– Выбирай факультет. На каждом не хватает преподавателя.

– Лучше лечебный. Буду за Элей присматривать.

– Тогда будешь вести «Обезболивание».

Глен хмыкнул.

– Мучителем, значит. В нашей академии преподавателя по этой дисциплине звали коротко и ясно – «Мучитель». У него даже собственного прозвища не было.

– Почему? – удивился Коршень.

– Да потому, что занятия по обезболиванию начинаются с чьей-то боли.

* * *

На следующий день после совместного совета, напоминающего какое-то совещание шпионов, где они договорились о сигналах и обсудили все детали предстоящего внедрения в ничего не подозревающее магическое сообщество преподавателей, в академию отправились Коршень и Нирус.

Магическая академия занимала большую территорию на одном из городских холмов и фактически была отдельным районом города, только окружённым высокими каменными стенами. По сути это был маленький город внутри столицы со своими правилами и законами. Здесь было всё: жилые, административные и учебные здания, хозяйственные постройки, которые были связаны между собой дорожками, выющимися среди ухоженных деревьев и кустов. На хорошо оборудованных тренировочных площадках постоянно кто-то тренировался. Большинство студентов и преподавателей были

мужчинами и прекрасно понимали, что надо уметь защищаться не только от магического воздействия, но и от простого удара кинжалом.

Оранжерея и огород, который был в ведении лечебного факультета, исправно снабжал академию выращиваемыми там растениями для изготовления снадобий. Некоторые из растения были привезены издалека и обладали уникальными свойствами. Мало того, король, как попечитель, объявил о своём интересе к пополнению оранжереи экзотической флорой, и количество зелёных обитателей академии постоянно увеличивалось за счёт новых, привезённых путешественниками из далёких краёв. Заместитель декана лечебного факультета госпожа Мейрина, по контролю которой находились огород и оранжерея, вела реестр и, наверное, единственная точно знала, что за сокровища растут у неё на грядках. Но вряд ли даже она знала абсолютно все скрытые свойства своих зелёных подопечных.

Через три дня после Коршеня в академию приехала Эля. Перед отъездом её строго наставлял Павел:

– Эля, не лезь никуда, ради Бога. Твоё дело – хорошо учиться и просто держать ушки на макушке. Ничего больше. Ничего! Помни, ты в этом мире теперь постоянно, здесь твоя жизнь. Будь просто осторожна и в случае чего беги к Глену или Коршеню. Никаких шагов в одиночку! Это приказ!

Павел подвёз её на легкой двухместной повозке почти до ворот академии и остановил лошадь. Осталось сделать

несколько шагов и войти.

Павел искоса смотрел на неё и улыбался уголками губ. Эля стояла рядом с ним с большим баулом из парусины в руке, в своём простом светлом платье, схваченном в талии кожаным ремешком, совершенно изменившаяся за эти месяцы и в то же время точно такая же как и была. Разгладись морщины, талия стала тоньше да гуще брови и ресницы, однако суть осталась та же.

Она взглянула на него и неуверенно улыбнулась.

– Паш, я, кажется, прибыла на конечную станцию.

– Да. Ты будешь учиться магии, – Павел подмигнул. – Звучит-то как! Могли бы мы такое представить в нашей прошлой жизни?!

– Нет, это было не представимо.

Она помолчала, а потом тихо добавила:

– Я вспоминаю нашу прежнюю жизнь как волшебный сон, который когда-то давно мне приснился. Будто ту жизнь со всем её удобством, чистотой, самолётами, телефонами, интернетом я просто видела во сне. Порой мне кажется, что когда-то всё забуду, даже сына.

– Не забудешь. Сын – это не память, это часть тебя. Хотя, наверное, другие дети отодвинут его образ в глубину сознания.

– Другие дети... – Эля отвела взгляд.

– Да, Эля, другие дети. Почему нет? Дети – это ваш женский вид творчества. Кокон, слои, умение с ними работать,

это, конечно, замечательно, но создание детей – это магия высшего порядка, нам, мужчинам, недоступная.

– Ой, будто вы, мужчины, в стороне, – фыркнула Эля.

Павел покачал головой.

– Мы, обладатели семени, сеятели. А вы принимаете семя, а выдаёте в мир человека. Большая разница. Ладно, пора идти. Готова? Снова почувствуешь себя студенткой, – он на прощание ободряюще погладил её по плечу, видя, что она всё равно волнуется, опасаясь неизвестности.

Эля неуверенно улыбнулась в ответ, глубоко вздохнула, как перед прыжком в воду, и зашагала в сторону ворот.

Зачисление прошло без сучка, без задоринки. Её зачислили в группу первого курса лечебного факультета, познакомили с куратором, выдали книги и расписание занятий и подселили к такой же, как она первокурснице в комнату в женском крыле студенческого общежития.

Соседкой оказалась миловидная шумная улыбчивая девушка с пышными рыжими кудрями, звонким голосом и неожиданным именем Маша.

– Какое у тебя интересное имя! – не удержалась Эля от удивлённого восклицания.

– Да, редкое! – гордо ответила соседка. – Да и у тебя имя тоже какое-то необычное. Никогда такого не встречала.

Она была моложе Эли на два года и весьма благосклонно отнеслась к появлению новой соседки – сокурсницы.

– У нас тут хорошо, – щебетала Маша, – тебе точно понра-

вится. Студентов не так уж много и мы все друг друга знаем, даже тех, кто старше и с другого факультета. Парней намного больше. Каждый студент в своей комнате живёт, а вот гостиные и душевая общие, на двоих. В основном, все живут в общежитии, только некоторые столичные порой предпочитают жить дома, да и то не всегда.

– И парами живут?

– Живут, конечно, некоторые. Только младшие курсы тайно, а вот старшие могут даже жениться. Всё-таки в академии восемь лет учатся: четыре года первая ступень, и четыре вторая. Нет, конечно, не все идут на вторую ступень, многим она уже не по силам. Да и не страшно, и после первой ступени прекрасно можно устроиться. Маги везде нужны.

– Как это тайно? Где? В женском крыле или мужском?

– А как получится. Официально-то у нас с парнями отдельный вход в каждое крыло. Но здание старое, общих коридоров много, на некоторых дверях замки только для вида висят. Вот мы через эти якобы закрытые двери друг к другу в гости и ходим. У нас с тобой такая дверь недалеко. Вот с ребятами познакомишься, будем вместе чай гонять.

– Какие чай? Откуда кипяток?

– А у охранниц на входе всегда есть, у них там жаровня стоит.

– А сам чай откуда?

– Так в городе бываем, запасы делаем, друг с другом делимся, праздники иногда устраиваем. Давай и твой приезд

отпразднуем? – вдруг загорелась соседка. – Девчонок пригласим, парней, познакомишься.

– Давай, – улыбнулась Эля. – Только в конце недели. Когда я немного освоюсь.

Этой пухленькой смешливой болтушке явно не хватало наперсницы, на которую можно было каждый день вываливать все свои важные девичьи мысли и переживания. В том, что они уже накопились в избытке и готовы вылиться через край, можно было не сомневаться.

– А парни узнают про праздник, сразу набегут, вкусенького принесут, – с предвкушением произнесла девушка. – Парней много. У каждой девушки несколько поклонников, вот они и подмазываются.

– И у тебя несколько?

– И у меня! – гордо улыбнулась Маша. – И даже со старших курсов.

– А магов-странников у вас учат?

– Нет, – удивлённо подняла брови соседка. – Это кто? Мы сначала на первом курсе все вместе толпой на занятия ходим, а потом, когда куратор определит наши личные склонности, у каждого будет индивидуальная программа. Кому-то легче работать с менталом, кому-то с эмоционалом, кто-то видит лучше, а кому-то легче делать слепки со слоёв. Но про странников ничего не слышала.

– Может, перепутала что-то, – отговорилась Эля.

Свой первый вечер в академии она сидела на кровати в

своей комнате, листала выданные ей книги, привыкая к новым буквам, вложенным ей в голову Гленом. Даже когда она поздно ночью улеглась в постель, укрылась одеялом и закрыла глаза, перед её внутренним взором буквы всё ещё продолжали сплетаться в слова и фразы.

На следующее утро они вместе с Машей отправились на занятия.

Когда Эля, немного волнуясь, в первый раз вошла в просторный лекционный зал, там стоял обычный студенческий галдёж. Звонкие молодые голоса разлетались по залу и, отражаясь от стен, заполняли гулом всё пространство.

– А у нас новенькая! – громко бросила Маша с порога. – Зовут Эля, будет жить со мной в комнате рядом.

Разом замолчавшая группа уставилась на новую соратницу. На девушку хлынула волна изучающего интереса. В зале установилась звенящая тишина.

– Я попала в детский сад, – ошеломлённо подумала Эля, разглядывая обращённые к ней юные лица.

Как оказалось, она была одна из самых старших студентов в группе. Видимо, все семьи пытались отправить своих магически одарённых детей в академию как можно раньше, и только единицы, имеющие весомые причины задержаться, приезжали позже.

Она стояла в дверях, а её с любопытством рассматривали юные девчушки и безусые юнцы, которые ещё не ощутили всю степень своей наивности.

Эля почувствовала себя динозавром.

К концу первого дня наблюдений за сокурсниками она, умудрённая жизненным опытом женщина в юном теле, уже полностью разобралась в хитросплетениях сложившихся отношений на курсе. Закрывать свои коконы от постороннего взгляда молодые маги уже научились, а скрывать свои эмоции за маской ещё нет.

Конечно, в их группе была королева, которую звали Варна, были её верные пажи, кроме этого наблюдались неукротимые бунтари, ботаники, разгильдяи, мальчик для битья, пара шутников и, конечно, обаятельный принц со своими оруженосцами, претендующий на лидерство.

К счастью, девушек в группе было всего четыре, включая Элю и её соседку по комнате, поэтому женские группировки не сложились в силу малочисленности. Королева правила, подружка ей помогала, а Маша, до сих пор стоявшая особнячком, теперь получила поддержку в Элином лице.

Студенческая жизнь началась.

Глава 3

Теперь каждое утро Эля собиралась на занятия в своей комнате, которую ей выделили при зачислении.

Комната была большая и вполне уютная. Чисто побеленные стены, шкаф и комод из светлого дерева, достаточно широкая кровать, стол и, что Эля оценила по достоинству – окно из настоящего стекла! Какое удовольствие, когда в комнате весь день светло!

Даже коврик лежал рядом с кроватью. В восторг девушку приводил и небольшой личный санузел с умывальником.

У соседки тоже была своя комната, которую она уже успела заставить всякими безделушками, украсить картинками и раскидать с десятков небольших вышитых подушек, часть которых уже переползла на диван и кресла в общей гостиной.

На стене гостиной висело небольшое зеркало, и Эле в последнее время что-то не очень нравилось то, что она там видела.

Нет, дело было не в качестве этого небольшого зеркала, дело было в ней самой. Новоиспечённую студентку теперь немного раздражала собственная внешность.

Густые брови и румянец во всю щёку, вероятно, можно было отнести в плюс, но по-девичьи пухлое округлившееся лицо, по Элиному мнению, было уже в минус.

Эля помнила, как её в зрелом возрасте смешили сделанные кем-то в юности черно-белые фотографии, на которых она казалась себе далёкой от худобы круглолицей нелепой девицей средней привлекательности.

И вот, пожалуйста! Она стремительно превращалась в эту юную пухлую и смешную особу.

– Вроде вид не такой глупый и наивный как на фотографиях, – уныло размышляла Эля, разглядывая себя в зеркало. – А с другой стороны, чем наивнее я буду выглядеть, тем проще мне будет жить. Меня всерьёз никто принимать не будет. Мои промахи, без которых я точно не обойдусь, с лёгко-

стью спишут на молодость и неопытность. Опять же резерв у меня ещё увеличился.

Эля вспомнила как давно, ещё после самого первого портала, когда они прыгнули на тысячу лет вперёд и тогда ещё сидели на маленьком острове, Глен открывал ей глаза на то, что она из себя представляет в магическом плане.

– У тебя есть канал связи с планетой, типа пуповины, от которой к тебе, как и ко всему идёт поток энергии планеты. Он у тебя нормально работает. Это первая чакра, или узел по-нашему, – говорил он. – Потом идет узел твоего личного резерва энергии. Это энергия жизни, или сексуальная. Если угодно, это половая энергия. Энергия создания жизни, если хочешь. Её размер каждому даётся от природы, но его можно и развивать, хотя природные данные являются определяющими. У вас это называется второй чакрой. Резерв у тебя от природы вполне приличный, смею заметить.

Третий узел, вот он, – Глеб ткнул пальцем, указывая куда-то в центр её тела, – как раз у диафрагмы. Даже и не знаю, как поточнее сформулировать действие этого узла в тебе понятных терминах. Я сказал бы, что это энергия всех химических процессов тела. Переработка приходящей из всех источников внешней энергии. Энергия окисления как базового процесса человека, дышащего кислородом существа.

Первые три – энергия планеты и твой резерв, ну и энергия огня или дыхания, думай как хочешь, она как топливо для эфирного слоя, или эфира. Или называй его физическим, так

тебе будет удобнее для понимания.

Энергия чувств – эмоциональный слой, эмоционал. Энергия знания, интеллекта – ментальный слой или ментал.

Так вот ты, дорогая, почему-то почти заблокировала свой канал жизненной энергии. Энергия планеты в тебя входит, резерв от природы у тебя большой, и... всё... тебя хватает только чтобы уловить свои чувства и слегка подумать свои мысли. На магическое видение более высокого порядка тебе топлива не хватает.

Эля вздохнула. За эти прошедшие с того разговора месяцы многое изменилось.

Она смогла разблокировать этот канал, и он потихоньку начал работать, выходя из длительного простоя. Элины каждодневные тренировки этому, конечно, способствовали, но как же хотелось быстрого прогресса!

Возвратившаяся юность ещё немного увеличила её резерв. Мало того, он теперь ещё магически сиял, и это провоцировало постоянное повышенное мужское внимание. Кокони магов и не-магов чувствовали это интенсивное сияние, и их обладатели бессознательно пытались к нему приблизиться.

Теперь на Эле постоянно красовался пояс. С виду это были всего лишь причудливо свитые чёрные кожаные ремешки на застёжке, в которые, строго следуя узору, были вплетены разноцветные камни. На самом деле это был мощный индивидуальный артефакт, сделанный Нирусом, одним из луч-

ших артефакторов королевства, специально для неё. Пояс смог скрыть это вызывающее сияние от магического видения и исказить общий рисунок кокона для постороннего взгляда.

Кроме пояса Нирус выдал девушке пару кулонов от ментального и эмоционального воздействия, браслет от энергетических паразитов, и настоятельно рекомендовал носить все эти украшения на себе не снимая.

«Племянник» тоже получил от «дяди» пару амулетов, красивый кожаный пояс с петлёй для кинжала, а также и сам кинжал из хорошего металла, в рукоять которого был встро-ен специально подобранный под кокон Санда камень. Пояс скрывал явную связь с Элей, а камень в рукояти искажал рисунок узлов. Ни к чему чужому взгляду рассматривать этот рисунок.

Кроме этого Нирус воодушевился идеей, которую подкинул ему Глен: сделать племяннику индивидуальный амулет для стабилизации интуитивного вихря, чтобы ментальные и эмоциональные волны не сбивали движение этого очень важного, постоянно присутствующего, элемента кокона Санда.

Ректор безвылазно провёл в артефактной лаборатории пару вечеров, нашупал нужное сочетание камней и определил место на теле для этого артефакта. Осталось дело за малым – превратить это сочетание камней в какое-то не бросающееся в глаза украшение.

После долгих раздумий Нирус решил сделать серьгу, хоть

и лучшим местом на теле для такого артефакта оказался лоб. Но не делать же мужчине фероньерку!

Поэтому и пришлось остановиться мыслями на украшении в мочке уха. Пусть ухо менее подходящее место для такого артефакта, но выбора особого нет. Серьга всё равно делает интуитивный вихрь намного стабильнее.

А вот само украшение Нирус собирался сделать уже у себя дома, без чужих глаз.

* * *

Через два дня после Эли в качестве нового преподавателя прибыл Глен, которому сразу для проживания выделили покои в преподавательском корпусе. Звали его теперь Со-глен Рохет. Эта родовитая семья оказалась многочисленной и плодovитой, имела множество ветвей, поэтому эта фамилия была на слуху и вряд ли вызвала бы какие-то подозрения у окружающих.

Перед поездкой в академию маг вырастил усы и что-то вроде бакенбардов, полностью изменивших форму его лица. Друзья веселились и хихикали по поводу его нового странноватого вида, но не могли не признать, что от этих вроде бы несложных манипуляций он сразу поменялся внешне, и узнать его стало существенно тяжелее.

Свои ценные рюкзаки Глен запер в потайной комнате в подвале дома Нируса. Практически положил в сейф до луч-

ших времён.

О появлении Глена в академии Эля узнала от Маши.

– Говорят, у нас, наконец, занятия по обезболиванию будут. Новый преподаватель приехал.

– А ты его видела уже?

– Видела.

– Ну и как он тебе? – Эле было любопытно, какими глазами Маша увидела Глена.

– Да нормально. Вроде не злой. Только старый.

– Ну да, ну да, – с усмешкой подумала Эля. – А чего я ожидала? Сорок – сорок пять лет для восемнадцатилетних глубокая старость. Да и сама я никак не привыкну к тому, что мои сокурсники не дети. Всё тянет их по головке погладить.

Павел остался жить в городе в особняке Нируса. Ректор его представил работникам как нового домоправителя и начальника охраны в одном лице, поселил в комнате рядом с входом в подвал, объявил, что этот человек – доверенное лицо на время его отсутствия, и укатил в академию вместе с неожиданно явившимся из провинции племянником.

На этот момент в доме проживали шесть человек. Пожилая пара: кухарка и её муж, поддерживающий порядок в доме и четверо молодых мужчин, которые в зависимости от потребностей хозяина были и охранниками, и конюхами, и садовниками.

Год назад Нирус хотел взять в помощь пожилой кухарке молодую вдову, но это решение оказалось ошибкой, в ре-

зультате которой он получил не дом, а котёл кипящих любовных страстей, недовольство и даже драки между ревнивцами. Нирус быстро нашёл причину непрерывных склок между работниками и выставил вдову, чем ликвидировал источник беспокойства. После этого никаких желаний взять в дом ещё какую-нибудь помощницу у него не возникало.

Павел быстро показал, кто в доме хозяин после собственно уехавшего в свою Магическую академию Нируса, и в корне подавил все попытки старожилов дома давить на него авторитетом, а потом организовал небольшую тренировочную площадку на заднем дворе за конюшней, где и стал тренировать своё малочисленное войско. Строить подчинённых бывший военный умел хорошо, так что порядок в доме ректору был обеспечен.

Павел устроил на чердаке наблюдательный пункт и стал внимательно осматривать окрестности с помощью бинокля. Кое-что рассмотреть удалось, но дом стоял в глубине сада и обзору очень мешали деревья.

Тогда Павел сплёл что-то вроде корзины и, пользуясь ночной темнотой, устроил себе наблюдательный пункт на стволе одного из высоких раскидистых деревьев недалеко от стены. Точнее было назвать его наблюдательным гнездом, устроенным среди ветвей.

С первые же дни Павел заочно познакомился с соседями, разобрался кто есть кто и чем интересуется, а заодно отметил, что почтовыми голубями здесь пользуются весьма ак-

тивно. В глубине сада у Нируса была небольшая голубятня, так что можно было послать срочное сообщение прямо в академию.

* * *

Коршень сидел в кресле в кабинете Нируса. Несколько дней назад в академию прибыл Глен и под предлогом утверждения учебного плана они втроём собрались обсудить свежие впечатления новоприбывших от академии.

Глен завтра должен был начать обучать студентов, а эти два дня он провёл, осматриваясь и знакомясь с преподавателями, да ещё в библиотеке, якобы, готовясь к занятиям.

– Уж не знаю, Нирус, насколько ты будешь этому рад, но ничего особенного я за эти два дня своего знакомства с академией не заметил. Ничего необычного. Никаких эмоций ненависти, никаких злобных взглядов вслед, хотя, конечно, искажающих амулетов на всех понавешано, да защита стоит.

Может, ты нам хотя бы поподробнее расскажешь о заболевших, в прошлом году? Как они себя чувствуют сейчас? Да что там случилось с тем заболевшим преподавателем? А потом сходим и проведем твоего нового больного. Как он, кстати? Свою помощь не предлагаю, чтобы не светиться. Думаю, у тебя тут в академии самые сильные маги-лекари собрались, справятся.

– Да. Лечебница при академии лучшая в королевстве.

Нельс уже здоров. Лекари уже справились, но они разводят руками: до этих случаев не сталкивались с таким заболеванием.

Одним лишь обрадовали, что незаразное и за других студентов можно не волноваться.

– Как это, за других не волноваться, если у вас уже в прошлом году друг за другом студенты заражались? – удивился Коршень.

– А откуда известно, что они друг от друга заразились, если больше никто не заболел? Может, они оба попали в одну и ту же ситуацию, и организм среагировал одинаково. Попадаешь в ледяную воду – и заболеваешь без всякого чужого вмешательства.

Или попали в одну и ту же ядовитую среду – и среагировали.

– А что, действительно куда-то оба залезли? Их хоть расспросили?

– Расспросили, конечно. Зацепиться не за что. Никуда не залезали, жили обычной жизнью, ночевали в общежитии, питались в академической столовой как все.

– Да ты расскажи всё с самого начала, кто первый и симптомы какие?

– Хорошо, – кивнул Нирус, – расскажу всё подробно.

Первым заболел студент, Дерек. Первый день он пролежал в своей комнате с температурой и мышечными болями, списывая всё на интенсивную тренировку за день перед этим.

Но на второй день головы поднять не смог, его отнесли в лечебницу, и перевели под наблюдение врачей. Он пролежал ещё три дня с высокой температурой, головными болями, а потом пошёл на поправку.

Через пару недель после этого заболел Минк, другой студент.

– С того же курса?

– Да. И с того же факультета. Всё то же самое. И тоже, сначала списывал на вчерашнюю тренировку. Попал в лечебницу, когда Дерек уже её покинул, и приходил в себя, отлёживаясь в своей комнате. Кстати, именно Дерек сказал ему, чтобы ничего не ждал, а сразу отправлялся в лечебницу.

– Всё то же? Температура?

– Да, высокая температура, мышечные боли. Только у Минка в отличие от Дерека была ещё рвота, словно он чем-то отравился. К счастью, врачи уже были знакомы с течением болезни. Минк мальчик крепкий, выкарабкался быстро и без особых потерь.

Через три недели в лечебницу попал тот самый преподаватель с артефакторного. Началось у него всё с температуры, но всё переросло в галлюцинации и нарушение сознания. Врачи сказали, что по процессам, которые они отслеживают в коконе, то же самое заболевание.

– Он выжил?

– Выжил. Но после этого уехал в своё поместье восстанавливаться и вряд ли вернётся. Он уже достаточно стар.

После этого всё стихло на год, и вот опять.

– А что тебе сказали лекари, и что ты увидел сам как маг?

– Говорят, картина такая будто бы у больных воспаляется кровь и это воспаление отравляет весь организм. А в магическом плане однозначно сильный отток энергии со всех узлов. Энергия как бы растворяется гораздо быстрее, чем восполняется. И организм этому активно сопротивляется. Ментал и эмоционал тоже отдают на борьбу с этим «воспалением крови» часть своей энергии. У преподавателя они были очень ослаблены. Это как раз выразилось в галлюцинациях и нарушениях сознания.

Лечение заключается только в подпитке энергии эфирного слоя больного и через некоторое время организм становится в состоянии справиться с этим странным внезапным «воспалением крови». С преподавателем было сложнее из-за его возраста.

Из неразрешённого остаются основные вопросы – почему вдруг и откуда взялось это неведомое нам заболевание. Ну и тут же повисает второй, очень важный вопрос: что мы будем делать, если заболеют все одновременно?

– И заметь, все с артефакторного факультета.

– Нет, – покачал головой ректор. – В этом году заболел студент со второго курса лечебного.

– Может, стоит посмотреть этого вновь заболевшего, а, Нирус? Он говорить в состоянии?

– В состоянии уже давно. Но, извини, не думаю, что ты

увидишь что-то ещё.

– Да я и не собираюсь смотреть. Тебе повезло, господин ректор. У тебя в подчинении оказался, не побоюсь этого слова, единственный и неповторимый на всё королевство маг, который умеет вытаскивать связные воспоминания из кокона. Так что я собираюсь не смотреть, а слушать их ответы на мои вопросы и рассказы о том, что с ними происходило.

– Да, – с сожалением протянул Нирус, – у нас такого ещё не умеют.

– Не жалей, как только научатся, сразу талантливые артефакторы навывдумывают артефактов для защиты памяти и перекроют этот источник ценной информации. Да и свод магических законов будет требовать специального ордера.

Будем пока пользоваться тем, что я могу безнаказанно считать с памяти события.

Глен поднял глаза на молчавшего Коршени:

– А что говорит твоя интуиция?

– Поговорить с парнем надо, да. Где был, что сам думает о своей болезни. Я бы и с теми парнями ещё раз поговорил.

И Коршень снова замолчал.

Глена немного раздражало то, что из-за навешанных на другие защитных амулетов он не может толком рассмотреть его кокон и отследить в каком состоянии находится интуитивный вихрь.

– Что ещё? – спросил маг.

– Я бы Элю сюда позвал, – как-то невольно вырвалось у

Коршенья.

Друзья захрюкали, как шkodливые подростки, подавляя смешки.

Коршень сверкнул на них глазами, и они сразу прекратили веселиться.

Да, он очень скучал по Эле. Вот и сейчас в воображении он вдруг ясно увидел, как она входит в кабинет, услышал её голос, и бессознательно озвучил эту свою пролетевшую в его сознании мысль.

* * *

За эту неделю, проведённую им в академии под именем Санда Инсета, он весьма сдружился со своим «дядей» Нирусом.

Юный вид Коршенья не скрывал от Нируса того, что перед ним опытный много повидавший боец, которому внимательность, наблюдательность и осторожность не раз спасали жизнь. К тому же, Глен сказал, что Санд интуит. Это делало слова и замечания новоявленного племянника ещё весомее.

Со своей стороны Коршень, как бывший глава отряда наёмников, прекрасно понимал, что управлять этим большим караваном под названием «Магическая академия» и держать в подчинении сотни магически одарённых людей очень сложно. Это требует особых качеств, внутренней силы и безграничного терпения.

Так что отношения у новоиспечённых дяди с племянником сложились сначала просто уважительные, а потом, когда они провели бок о бок много часов и обговорили много рабочих и нерабочих тем, и вовсе доверительные.

С ним Коршень всё больше привыкал к своему настоящему имени Санд, потому что даже наедине Нирус только Сандом его и называл.

Коршень менялся и не только физически. После переходов менялись его мысли, ориентиры, ценности. Кличка медленно, но верно уходила и становилась всего лишь воспоминанием.

Оба прекрасно понимали, что это фиктивное объявленное обществу родство ни к чему их не обязывает, а когда ситуация переменится, спокойно можно будет разъехаться в разные стороны и встречаться только по большим праздникам. И то, если захочется.

Комната, где теперь жил бывший наёмник, устраивала его целиком и полностью. По сравнению с его бывшими ночёвками у костра она была просто воплощением удобства и роскоши. Кровать с чистым бельём, окна из стекла, которые пропускали свет, туалетная комната с водопроводом и лоханью, у которой в стенку был встроен крисп для нагревания воды обеспечивали Коршню куда большим комфортом, чем тот, к какому привыкли самые богатые люди его родной эпохи.

Нирус снабдил племянника ворохом одежды из своего

гардероба, ставшей ректору узкой из-за раздавшейся по возрасту талии. Да, она была старомодна, но это как раз играло на правдивость легенды: дальний бедный родственник из провинции не мог выглядеть модно.

Ещё в долине выяснилось, что бывший наёмник прекрасно владеет кинжалом, ловок в рукопашном бою, прекрасно стреляет из лука и арбалета, но вот с мечом обращается как с топором и от турнирных поединков далёк. По самолюбию Коршеня как воина сильно ударило, что в схватке на деревянных мечях его легко одолел один их юных охранников хозяина долины.

Он этого не забыл и в первые же дни нашёл тренировочные площадки и близко познакомился с тренером Тюрсом, по совместительству оказавшимся преподавателем с кафедры боевого искусства.

Теперь каждое утро Коршень не менее часа проводил в обществе Тюрса, отрабатывая новые приёмы. Молодое тело с радостью откликалось и дарило наслаждение своей вновь обретенной силой и гибкостью.

Для Коршеня всё складывалось хорошо. К симпатичному племяннику ректора в той или иной степени проявляло внимание всё малочисленное женское сообщество академии, чем порядком его смущало, хотя внешне он казался невозмутим.

Ассистентка кафедры изучения совместимости материалов для артефактов якобы случайно рассыпала перед госпо-

дином Сандом банку с заготовками для артефактов, а пока он помогал их собирать, умудрилась засунуть ему в карман «камень внимания», настроенный на себя. Этот был маленький, похожий на уголёк, камешек, действие которого на эмоциональный слой слегка напоминало действие приворотного зелья. Однако обеспечивал он не любовь, а только внимание. Этим «угольком» она надеялась обеспечить постоянный интерес секретаря ректора к своей персоне.

Это камень потом обнаружил Нирус и, расспросив Санда, догадался, откуда этот невзрачный на вид тёмный кристалл попал в карман его подопечного. Но прямых доказательств у ректора не было, и ассистентка осталась без наказания.

Помощница декана кафедры иллюзии госпожа Берка вдруг резко похорошела и Нирус, посмеиваясь, сказал Санду, что сделает ему блок от иллюзий, чтобы он не принял иллюзорные дамские прелести за настоящие.

Студентки строили стройному широкоплечему молодому человеку глазки, магини бросали заинтересованные взгляды, а работницы кухни старались накормить повкуснее.

Всё было хорошо и даже великолепно.

Однако он очень скучал по Эле, и это портило всю столь замечательную картину проживания в академии. Было удивительно сознавать, что за какие-то пару месяцев они с этой женщиной стали единым целым. Из-за их шпионских планов он не мог подойти и даже просто коснуться жениной руки. Оставалось только молча кусать локти на расстоянии и рев-

ниво наблюдать, как его любимая жена, быстро превращающаяся в юную румяную девушку, притягивает взоры мужской части обитателей академии. Она сама, похоже, этого усиленного внимания не замечала.

Конечно, со временем Коршень собирался разыграть знакомство и влюблённость, но пока было слишком рано. Их не должны были пока связывать между собой.

Нирус, заметив угрюмые взгляды своего племянника, устроил им небольшое свидание и, под предлогом разговора с новой студенткой, вызвал её к себе в кабинет.

Когда она осторожно вошла, ректор плотно закрыл дверь, а потом отошёл и отвернулся к окну, чтобы не мешать их встрече с племянником, радостно шагнувшим к ней при её появлении.

Нирус ожидал, что у него за спиной будут звучать радостные возгласы, прерываемые звуком поцелуев, однако почему-то стояла подозрительная тишина.

Нирус украдкой оглянулся.

Санд зарылся лицом в Элины волосы, и так они просто стояли молча, без движения с закрытыми глазами, крепко прижавшись к друг другу и ничего не замечая вокруг.

А потом они начали шептаться. Нирус не слышал, что они говорят, но скорее всего это были слова любви и утешения. Она что-то бормотала, уткнувшись ему в грудь, а Санд что-то тихо и ласково отвечал ей на ухо. Выражение лица у него при этом было такое... нежное и страдающее одновременно.

Нирусу стало завидно и грустно. У него была любовница, и он даже был к ней достаточно привязан, хотя понимал, что основной магнит, который её притягивает – это его должность. Молодая пышногрудая амбициозная брюнетка Тера Корет, магиня, которая работала тут же в академии помощницей хранителя библиотеки, порой скрашивала его одинокие вечера и ночи, но представить, чтобы она вот так, забыв себя, что-то бормотала ему в грудь?!

Этого Нирус не мог себе даже просто представить.

Стук в дверь кабинета прервал это тайное свидание. Ректор опять кому-то срочно понадобился.

Стоящие рядом влюблённые шарахнулись друг от друга. Эля отвернулась к окну, пытаясь скрыть горящее лицо. Санд тряхнул головой, приходя в себя, оглянулся, увидел кивок Нируса на дверь. Он шагнул и аккуратно открыл её, как и положено секретарю ректора, хоть и прилагал при этом титанические усилия, чтобы изобразить вежливое выражение лица, хотя очень хотелось открутить голову стоящему за дверью.

Глава 4

– Ну, есть какие-то новости из академии? – Эдгер поднял усталый взгляд на главу безопасности, отложив бумаги, которые перед этим изучал. Король был ещё красив. Прямой нос, волна густых волос, завязанных в короткий хвост, властный взгляд синих глаз, однако морщины уже нашли своё место на некогда гладком лбу, уголки губ опустились, а седина уже припорошила его тёмные волосы.

– Ничего существенного, ваше величество! – голос у вошедшего главы безопасности, господина Верета, близкого друга и доверенного лица короля был низким, а интонации успокаивающие. Он как всегда был одет в тёмную одежду. Эдгер знал, что под одеждой от посторонних глаз спрятаны амулеты да камни артефактов, неброская внешность была лишь маской, а мягкая неслышная походка – результат многих тренировок. Уж очень она была полезна при его работе. Правой руке короля не было нужды привлекать в себе внимание, а незаметность помогала видеть больше.

Король поморщился.

– Верет, оставь эти расшаркивания, когда мы наедине, пожалуйста. Я и так устаю от этого подхалимажа. Хорошо, ничего существенного, а что есть несущественное?

– Ректор ведёт себя как всегда, никаких особых контактов и переговоров с другими магами не замечено. Из необычного то, что у него приехал из провинции двоюродный или троюродный племянник, и он его сразу взял к себе секретарём.

– Сильный маг?

– Нет, вообще не маг. По возрасту как студент второй ступени.

– Ты его видел?

– Нет пока, однако мои агенты, что в академии, его видели. Пытаемся узнать о мальчишке поподробнее, да о нём вообще ничего неизвестно. Ограблен по дороге, документы ему делаются под поручительство дяди.

Вторая необычность: ректор на следующий день уехал с ним в академию и уже целую неделю оттуда не выезжает. Хотя, вроде, ничего чрезвычайного там не происходит.

Эдгер откинулся в кресле и вытянул ноги. Кресло было мягким и удобным, с высокой спинкой, но от долгого сидения за столом тело всё равно основательно затекло.

Он поморщился. Массивный стол из тёмного дерева был завален бумагами, и конца края им было не видно. Нет, на сегодня хватит!

– А чем ректор тогда занимается? – рассеянно спросил он.

– Агенты говорят, всё как обычно. Эдгер, может, твои подозрения беспочвенны? Ведь прямых доказательств его двуличности у нас нет, а косвенные доказательства могут заставить нас ошибиться. То злосчастное письмо, которое ты нашёл в книге из библиотеки академии, мог и не он написать.

– Но последним судя по реестру книгу брал он.

– Мог ещё кто-то взять и не внести себя в реестр читателей.

– Но письмо написано его почерком!

– Подделали и подложили с целью его подставить. Я понимаю, Эдгер, что резкий тон письма, нелицеприятные высказывания о тебе, да критика свода магических законов, который ты хочешь заставить принять магов королевства, тебя злит, но, справедливости ради, прямых доказательств, что это его письмо у нас нет. Письмо могло быть подложено кем угодно, потому что когда тебе доставляют книги из библио-

теки академии, они проходят через много рук. Тем более Нирус за последние пять лет в интригах и заговорах против тебя не был замечен.

– Или хорошо умеет скрывать свои замыслы, – Эдгер властным жестом заставил собеседника замолчать. – Ничего с твоим ректором не случится, если мы за ним ещё немного внимательно понаблюдаем. У меня на него большие планы, и я должен быть уверен в нём как в самом себе. Опять же, сам понимаешь, Магическая академия – это стратегически важное место. Какие мысли студентам сейчас внушить, то они и будут транслировать, уже работая на корону.

Я ведь пять лет назад выбрал Нируса ректором, потому что он один из немногих высших магов поддерживал идею свода законов для магического сообщества. Их Верховный Архимаг Дорсин вообще мне хотел подсунуть своего ставленника, с трудом тогда отбил. Кандидатура Нируса была как компромисс с Верховным. И что? Получается, я ошибся и пригласил у себя на груди змею? Не забывай, Магическая академия – это детище короны, а Верховный лишь выполняет соглашение и получил за это массу привилегий и даже урвал у меня поместье, на которое у меня были совсем другие планы!

Королевству нужны маги. Это однозначно. Только они должны работать на благо королевства, а не на свои корыстные интересы.

– Ничего ты не ошибся, Эдгер. Не нагнетай. Ты просто

устал. Целыми днями разбирать в этом душном кабинете эти дурацкие кляузы, слёзные прошения да доносы высокородных друг на друга, на которые нельзя не ответить. Может, тебе съездить да на Нируса с его племянником самому посмотреть? И проветришься, и, возможно, ситуация прояснится.

– Хорошая мысль! Только чтобы что-то прояснилось, нужно какую-то провокацию Нирусу устроить. Чем-то вывести из себя. Поставить в двусмысленную ситуацию, чтобы он невольно качнулся в сторону Верховного.

– Или в твою сторону.

– Или в мою, – кивнул головой король. – Тогда и наблюдение с него снимем.

Он улыбнулся.

– Возможно. А пока запланируй мне поездку в академию через... – Эдгер что-то прикинул в уме, – через дней десять. Раньше никак не получится, из Баргоса на этой неделе посольство приедет, сам знаешь.

Заодно подумай насчёт провокации. Эта двусмысленность ситуации меня выводит из себя. Я должен точно знать, что на Нируса можно будет положиться.

* * *

Маша, как и обещала, в один из вечеров устроила праздник в честь прибытия новой соседки. Следующий день был свободным, студентам можно было, наконец, отоспаться, по-

этому набившиеся в их гостиную студенты явно собирались зависнуть здесь надолго.

Гостей было много, преимущественно мужского пола. Кроме чая и сладостей, они, конечно же, принесли пару бутылочек напитка шуржанира, в просторечии называемого ласково шуржик, который честно можно было отнести к горячительным напиткам.

– И никакого дурика! – громогласно возвестила Маша, оглядев грозным взором собравшихся, когда шуржик был разлит по бокалам.

– А кто такой дурик? – потом тихонько спросила у неё Эля.

– Это зелье такое, если капнуть, то мозги набекрень, хотать начинают и ведут себя как дураки.

– Ясно, – мысленно вздохнула Эля. – Студентам как всегда веселья не хватает, без особых зелий не обходятся.

Она сидела и смотрела на набившуюся в их гостиную молодёжь. Гости вели заумные беседы, хорохорились, многозначительно поглядывали друг на друга, старательно самовыражались и изображали бывалых и опытных. Девчонки стреляли глазками и принимали красивые позы.

Эля попыталась было поддержать беседу, случайно влезла в какой-то психологический спор на извечную тему отношений мужчин и женщин, но почти сразу поймала себя на том, что свалилась в какие-то ненужные никому нравоучения, и заставила себя замолчать. Смысла спорить не было.

Спорщики продолжили словесные баталии дальше, не заметив потери бойца.

– Что я могу сказать этим детям, в чём убедить? – вздохнула она мысленно. – Да и ляпнуть можно что-то подозрительное, вопросов потом не оберёшься. Мне не беседы вести надо, а слушать в первую очередь! Нужно вырабатывать привычку держать ушки на макушке, молчать, и при этом хлопать ресницами и очаровательно улыбаться. И буду я не женщина, а мечта каждого мужчины.

Она именно так, нежно и немного растерянно, улыбнулась светловолосому парню, который сидел недалеко от неё. Улыбка сработала мгновенно. Парень поклонился и обратился к Элиной соседке.

– Маша, представь меня, пожалуйста.

– Вот, Эля, познакомься. Это Рич. Он с четвёртого курса артефакторного. В этом году заканчивает первую ступень.

Рич внимательно посмотрел на Элю.

– Симпатичный парень, – подумала она.

У него были карие глаза, тёмные брови и ресницы придавали его лицу яркости, контрастируя со светлыми волосами, собранными сзади в низкий хвост. Несколько золотых прядей выбивались и падали на лоб.

– Вон там сидит Дерек, его сосед по комнате, – продолжила Маша, указывая на шумного весёлого парня на диванчике, который явно был душой компании. – Он с третьего артефакторного. Я с ними познакомилась в первый день,

как приехала. Они первокурсников встречали и помогали им устроиться. С тех пор мы дружим. Они мне помогают, а я им.

– А как вы помогаете друг другу, вы ведь на разных факультетах?

– Ой, Эля, поддержка и помощь всегда нужна. Место на завтраке занять, на кухне обед попросить оставить, если опаздываешь. Или вместе в город съездить: по одиночке только студенты второй ступени имеют право, а с первой нас должно быть не менее трёх. Однажды они от меня настойчивого ухажёра отгоняли. Да много всего, чем помочь можно. Я им мышечные боли после тренировок снимаю, царапины заживляю.

– Да, Маша, по мелочам ты уже многое умеешь, не зря ты на лечебном, – кивнул головой Рич.

– Ну, не только по мелочам, – надула губки Маша.

– Да не обижайся, глупышка! Ты у нас супер! Я просто хотел сказать, что есть такие заболевания, что даже нашим лекарям не по зубам. Ты не помнишь, тебя ещё не было, а у Дерека в прошлом году были мышечные боли и горячий был как печка. Сначала хотел в комнате отлежаться, а потом всё равно к лекарям попал. Он четыре дня промаялся с ломотой, а они так и не поняли, что с ним.

– О как, – подумала Эля, – не про этого ли студента Нирус говорил?

Она наклонила голову и мило улыбнулась.

– И ты тоже так непонятно болел?

– Нет, я нет. Это Минк потом заболел.

– А это кто?

– А это друг Дерека, тоже парень с третьего артефакторного. Вон он сидит, кудрявый такой, – Рич махнул рукой, – с Варной разговаривает. Тоже из нашей компании. Он тоже недолго проболел, дня четыре – пять. Только его ещё и тошнило сильно.

Парень покраснел, уточняя эти подробности.

– А что, в этом году никто этим не болел? – как можно простодушнее спросила Эля, вспомнив, что Нирус упомянул, что в этом году опять был такой же случай.

– Ой, да! – Рич покраснел, – Я же про Нельса забыл. Его тоже угораздило, уже в этом году. Только он уже выздоровел.

– А он кто? Тоже с третьего курса артефакторного?

– Нет. Он как раз ваш, с лечебного, второй курс.

– А, так вы его почти не знаете!

– Как это не знаем! Да он Дереку какой-то родственник и часто к нам приходит, да ещё и любит на моём любимом кресле посидеть, пока меня нет.

– Да что вы всё о каких-то жутких заболеваниях разговариваете! – вмешалась Маша. – Через пару месяцев каникулы! Лучше о них поговорить!

– Это у вас каникулы, – хмыкнул Рич, – а у нас, у третьего курса сначала практика! Правда, после неё тоже каникулы. Хоть месяц отдохнём. Эля, а ты где будешь на каникулах?

– Здесь, около библиотеки буду жить, – отшутилась де-

вушка, — я ведь поздно приехала, мне доучивать да сдавать много, чтобы в следующем году за вами успеть.

Разговор о каникулах покатился дальше и без Элиного участия.

— Так, — думала она, делая вид, что слушает планы на лето. — Температура, мышечные боли, ломота, рвота. Это лекари и без меня знают. А вот знают ли они, что все эти студенты были друзьями и их всех объединяет не курс, а одна комната в общежитии, где живут Рич и Дерек? Странная какая-то зараза. Не ко всем и не всегда прилипает. Как-то выборочно.

Там вроде ещё и преподаватель в прошлом году болел. Интересно, те же симптомы или что-то другое? И что, в самой лечебнице никто не заразился? Вопросов слишком много, надо бы Нируса расспросить поподробнее.

* * *

Выходной пролетел так быстро, что заметить его удалось с трудом. Раз! — и уже утро новой учебной недели и приходится опять с трудом просыпаться и собираться на первое занятие.

В этот раз первым занятием у первокурсников лечебного факультета было обезболивание.

Весь Элин курс сидел в аудитории, ожидая нового преподавателя, и он не заставил себя долго ждать.

Открылась дверь и в зал зашёл строгий пожилой мужчи-

на в тёмной одежде. Чуть рыжеватые волосы были схвачены сзади в хвост, усы немного топорщились, а торчащие бакенбарды делали его похожим на кота. Из кармана на груди свисала посверкивающая серебряная цепочка, которая качалась в такт его шагам, и её качание завораживало.

Эля встряхнулась.

– Ну Глен, ну лицедей! Даже я его с трудом узнала. И цепочку повесил, чтобы внимание рассеивать.

Глен поднял голову, оглядел обращённые на него юные лица, нашёл среди них Элино, подавил желание ей подмигнуть, вздохнул и начал лекцию.

– Доброе утро, господа студенты. Я буду учить вас обезболиванию. Обращаться ко мне нужно господин Соглен.

У нас будут и лекции, и практические занятия. Так как вы много пропустили из-за отсутствия преподавателя, то заниматься нам придётся интенсивнее.

Предмет у меня специфический. Тренироваться вы будете сначала друг на друге. А что это значит?

Молчание было ему ответом. Что это значит, аудитория не догадалась.

– Это означает, что, скорее всего, на практических занятиях вы сами будете стараться выполнять всё и без моего попуска, потому что боль вы будете снимать у своих же конкурсов, которую перед этим сами и причините, – скучным голосом произнёс он. – Уже позже практические занятия будут в лечебнице. Сегодня у нас лекция.

Господин Соглен встал за кафедрой.

– Итак, записывайте. Боль – это сигнал тела на то или иное повреждение. Кажется, что боль всегда нужно снимать у пациента любую и сразу же.

Это заблуждение. Болевой синдром мобилизует организм и повышает скорость восстановления повреждений. Поэтому одна из ваших задач лишь понизить боль до достаточно терпимого пациентом уровня, а не вбухать все свои силы в обезболивание так, что на собственно лечение не останется ни сил, ни концентрации, ни резерва.

– А если сил хватит? – спрашивающий явно буркнул себе под нос, но в установившейся звенящей тишине этот возглас услышали все.

– А если хватит, тогда вбухивайте, – равнодушно разрешил лектор. – Да только про следующих ожидающих вас больных не забудьте. Растратить свой резерв на обезболивание и лечение одного больного, когда вас ожидает ещё несколько – тоже весьма безграмотный подход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.